

СОВЕТ МИНИСТРОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1915 г.: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Людмила Николаевна Сысоева¹

*Воронежский государственный педагогический университет¹
Воронеж, Россия*

¹Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
тел.: (473) 255-06-67, e-mail: sln-75@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Совета министров Российской империи во второй половине 1915 г. Прослеживается ход дискуссий по ключевым аспектам политического развития, государственного управления, взаимодействия военной и гражданской администраций, поиск путей преодоления транспортного, топливного и продовольственного кризисов; особое внимание уделено анализу противоречий в Совете министров. Отмечается, что наиболее острая фаза противостояния приходится на август 1915 г. Сделан вывод о том, что после поражения сторонников сотрудничества с общественностью кабинет сосредотачивается на решении текущих вопросов, но демонстрирует неспособность к выработке решений по преодолению кризисных явлений.

Ключевые слова: Совет министров, государственное управление, Первая мировая война, самодержавие, транспортный кризис, Прогрессивный блок.

Для цитирования: Сысоева Л. Н. Совет министров Российской империи во второй половине 1915 г.: функционирование и противоречия // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2021. № 2. С. 140–146. DOI 10.47438/2309-7078_2021_2_140.

Введение

В первой половине 1915 г. в высших эшелонах государственного управления Российской империи нарастают серьезные противоречия, что проявляется во внутренней разобщенности Совета министров, отсутствии единства взглядов внутри кабинета на основные проблемы российской действительности, на взаимодействие с Государственной думой, военной администрацией, общественностью. Если в первой половине 1915 г. возможность консолидации правительства еще сохранялась [8], то с середины года деструктивные процессы пошли по нарастающей. После кадровых перестановок, произошедших в июне 1915 г., наступило определенное затишье, однако устранение из состава Совета министров наиболее одиозных в глазах общественности лиц вовсе не означало преодоление внутренних противоречий.

Проблемы функционирования Совета министров Российской империи и взаимоотношений внутри кабинета нашли отражение в работах разных лет [1; 10; 7; 2; 9]. Среди публикаций последних лет необходимо отметить фундаментальное издание «Первая мировая война и конец Российской империи» [3; 4], где представлены результаты исследований М.Ф. Флоринского, Р.Ш. Ганелина, С.В. Куликова, И.В. Лукоянова, Ф.А. Гайды и др. Одним из основных источников, используемых для освещения ситуации в правительстве, являются записки заседаний, осуществившиеся А.Н. Яхонтовым [6]. Они в полной мере раскрывают спектр вопросов, обсуждавшихся Советом министров, содержание дискуссий и точки зрения их участников. Данный источник позволяет реконструировать не только ход заседаний, но и развитие ситуации как внутри правительства (в том числе взаимоотношения между

министрами), так и в целом в структурах высшего государственного управления.

Результаты

На заседании 7 июля 1915 г. первым пунктом был обозначен вопрос о сотрудничестве правительства и Ставки. Данная проблема поднималась и ранее, но в отличие от предыдущих обсуждений теперь согласованность действий гражданской и военной администраций рассматривалась в контексте организации взаимодействия в Петрограде в свете нарастания недовольства рабочих [6, с. 196]. Еще одну дискуссию породил вопрос о созыве Думы и длительности ее заседаний. Полемика, зафиксированная А.Н. Яхонтовым, продемонстрировала широкий разброс мнений. Представители группы «либеральных министров» А.В. Кривошеин, Н.Б. Щербатов и другие озвучивали мысль, что установление четких сроков роспуска Думы вызовет негативное отношение общества и повлечет дальнейшее осложнение отношений. Также был поднят вопрос о председателе Государственного совета, усилении правого крыла и установлении влияния Совета министров на назначение членов Госсовета. Тем самым правительство пыталось выработать некие общие подходы к взаимодействию с законодательными органами.

8 июля состоялось выездное заседание Совета министров в Царском Селе. Здесь главную роль играл недавно назначенный управляющим военным министерством А.А. Поливанов. Его позиции в правительстве все больше укреплялись, министры – сторонники сотрудничества с общественностью – рассматривали его как возможного преемника И.Л. Горемыкина. В ходе заседания А.А. Поливанов обратил внимание на недостаточную осведомленность Николая II о состоянии дел на фронте из-за ограниченности и избирательности каналов информации (великий князь Николай Николаевич, Н.Н. Янушкевич, Ю.Н. Данилов). 10 июля в повестке дня значились в основном экономические вопросы, в част-

ности: об организации в Петрограде и Москве бирж труда для рабочих, о переписи «запасов хлебных и урожая» силами биржевых комитетов [6, с. 200]. Это свидетельствовало о том, что министры заняли выжидательную позицию по целому ряду общеполитических проблем.

Следующее заседание состоялось через неделю (16 июля) и характеризовалось горячим обсуждением взаимоотношений со Ставкой. Немецкое продвижение на фронте заставило правительство вернуться к этому вопросу. А.В. Кривошеин четко обозначил позицию: «Ни одно распоряжение Правительства, касающееся войны, нельзя без Ставки, и наоборот». Н.Б. Щербатов уточнил: «Контакт необходим ввиду Думы. Ответы на запросы – министры, но не осведомлены». А.В. Кривошеин отметил, что складывающаяся ситуация очень тяжела для императора, а И.Л. Горемыкин, в традиционной для него манере, заметил: «Подливать масло в огонь неудобно. Огонь разгорается». Дискуссию эмоционально завершил А.А. Поливанов. Констатируя, что Отечество в опасности, он заявил, что «надо государю императору мнение не только Данилова и Янушкевича, а всего Совета и главнокомандующего. На рубеже событий нужен голос и Совета министров, ибо впереди трагедия внутренняя и внешняя» [6, с. 202].

24 июля первым вопросом в повестке дня стоял доклад А.В. Кривошеина о предложенном Ставкой наделении героев войны 6-9 десятинами земли, как средстве боевой мотивации солдат. Данную идею он оценил, как «необычайную наивность или глупость», да и остальные высказавшиеся министры согласились, что таким образом героев не сделаешь [6, с. 204]. При обсуждении других вопросов, в том числе и проблемы перебоев со снабжением армии, рефреном звучала необходимость сохранения хороших отношений с Думой и с общественностью. В повестке дня июльских заседаний политические вопросы явно преобладают над экономическими, что свидетельствует об активном включении Совета министров в политический процесс. Лишь на заседании 30 июля обсуждаются вопросы непосредственного управления (вопрос о помещениях для расположения лазаретов, взаимодействии с Министерствами народного просвещения и ведомством императрицы Марии и вопрос о покупке урожая в Болгарии) [6, с. 208-209]. 6 августа основное место в обсуждении занял национальный вопрос, обострившийся в процессе эвакуации, а также подняты проблемы дальнейшей мобилизации промышленности: расширение производства на Обуховском и Коломенском заводах, эвакуация Рижского вагонного завода [6, с. 212-213].

В течение последующих четырех дней Совет министров собирался ежедневно, что было обусловлено вновь возникшим политическим напряжением. Среди обсуждавшихся проблем – письмо А.И. Гучкова о политической амнистии, в ходе обсуждения которого П.А. Харитонов констатировал, что «у страны нет доверия к Правительству, а армия надеется на Думу и военно-промышленный комитет» [6, с. 215]. Собрания Совета министров 10-12 августа носили драматичный характер, содержание записей А.Н. Яхонтова отразило всю напряженность обстановки внутри кабинета. Группа министров предприняла попытку коллективного демарша против решения Николая II о смещении великого князя Николая Николаевича с поста Верховного Главнокомандующего и принятия этих обязанностей на себя. Наиболее образно последствия такого опрометчивого шага спрогнозировал С.Д. Сазонов: «жду от замены грозных последствий» [6, с. 216]. В вы-

ступлениях министров звучало сожаление, что такое серьезное решение было принято без участия Совета министров, и высказывалось мнение о необходимости воздействия на императора (от «отговорить» до «коллективной отставки»). Вместе с тем констатируется рост социальной напряженности в рабочей среде и возникает вопрос об эвакуации Петрограда.

16 августа Совет министров в числе прочих обсуждал вопрос об открытии Особого совещания по снабжению, о расширении театра военных действий, о беженцах и вновь об эффекте, который имел манифест царя о принятии им Верховного командования. А.Д. Самарин и С.Д. Сазонов в своих выступлениях подчеркивали, что серьезность вопроса о переходе командования – это «вопрос не личный, а всей России и монархии» [6, с. 222]. В том же русле шло обсуждение и вопроса о свободе печати. Н.Б. Щербатов озвучил мысль о необходимости жесткой политики в отношении прессы, но при этом заострил внимание на возможной негативной реакции Государственной думы. На заседании 18 августа Н.Б. Щербатов озвучил информацию о совещании в Москве у А.И. Коновалова, где вновь прозвучала мысль о необходимости Правительства, пользующегося доверием страны [6, с. 224]. В контексте обсуждения данного вопроса А.В. Кривошеин заявил: «Если пользующиеся сочувствием деятели будут уходить, то это самый страшный удар для Правительства в его составе» [6, с. 225]. Нужно отметить, что в целом в риторике обсуждений начинают проявляться панические нотки в сочетании с отчаянием, в частности, при обсуждении вопроса об эвакуации Петрограда.

На следующий день (19 августа) главное место вновь занял вопрос о смене Верховного командования. Поводом стала необходимость определить отношение Правительства к перспективе подачи императору резолюции Московской городской думы, основной смысл которой сводился, с одной стороны, к демонстрации народного единства, с другой стороны, в ней содержалось упоминание о «вожде армии – великом князе» и о создании кабинета, «сильного доверием общества и единодушного, во главе которого должно стоять лицо, которому верит страна» [6, с. 405]. В Совете министров разгорелась дискуссия об уместности данного шага и его возможных последствиях. Мнения варьировались от однозначного недопущения такого шага, ввиду его опасности как прецедента (Н.Б. Щербатов, И.Л. Горемыкин), до различных протокольных ухищрений, призванных смягчить демонстративный характер резолюции и представить ее как очередную демонстрацию единения в условиях войны и доверия вел. кн. Николаю Николаевичу (А.Д. Самарин). Нужно отметить, что это обсуждение состоялось на фоне продолжавшихся дискуссий о целесообразности принятия Николаем II функций Верховного главнокомандующего. А.В. Кривошеин говорил: «Атмосфера сгущается, повод – решение пагубное принять командование... Риск равен риску династии. Долг наш, слуг царя, верноподданный долг сказать – недопустимо – не отвечаем за порядок и безопасность в стране» [6, с. 229]. Такой ход дискуссии означал, что члены Совета министров попрежнему возражали против принятия царем Верховного командования и были готовы отстаивать свою точку зрения – убеждать Николая II в пагубности принятого решения. Помимо данного вопроса, было уделено внимание взаимоотношениям правительства с Государственной думой и старой проблеме координации действий военной и гражданской администраций.

21 августа Совет министров вновь вернулся к обсуждению телеграммы М.В. Челнокова о сильном и опирающемся на доверие общества Правительстве (резюлюция Мосгордумы). Основной тон в обсуждении при отсутствии А.В. Кривошеина задавал С.Д. Сазонов. Министр иностранных дел настаивал на необходимости в очередной раз обратить внимание императора на пагубность смены Верховного Главнокомандующего, четко и однозначно обозначить позицию правительства по этому вопросу. В ответ же он получил обвинения со стороны И.Л. Горемыкина в стремлении «предъявить ультиматум» и организовать «забастовку». Председатель Совета министров оставался верен своему стремлению занимать уклончивую позицию. В дискуссии с Самариным он обвинил Московскую думу в «левизне» и стремлении дискредитировать императора. На констатацию факта разногласий между главой правительства и большинством Совета министров И.Л. Горемыкин заявлял: «Прошу вас всех доложить государю императору о моей непригодности. Буду благодарен», «поклонюсь низко тому, кто меня заменит на трудном посту. Но при постигшем испытании сам прощения не подам». В ответ на все аргументы о необходимости определения стратегической линии в отношениях с обществом и в соответствии с этим формирования состава Правительства глава кабинета призывал уповать на волю Божию и беспрекословно подчиняться помазаннику Божиему. На протяжении всей последующей дискуссии эти сентенции повторяются в ответ на все аргументы С.Д. Сазонова, Н.Б. Щербатова, А.Д. Самарина о невозможности для себя работать при отсутствии согласия внутри кабинета и с обществом в целом [6, с. 235-236].

В ходе дискуссии отчетливо проявилась интересная тенденция в умонастроениях министров, которая во многом объясняла их позицию [6, с. 236-237]. В то время как все высказывания И.Л. Горемыкина исходили из идеи единства «веры, царя и Отечества», например, «Мнение царя равно мнению России», «надо почитать царя Евангелием» и т.п., в репликах других участников дискуссии звучит уже другое понимание механизма взаимодействия правительства, императора и общества. В частности, А.Д. Самарин говорил: «Если государь идет во вред России, то мы не можем с ним идти»; П.А. Харитонов: «Воля царя не отрешаться от России – надо подчиниться, но если воля равна вреду России, то надо уйти: я служу и царю, и России». Таким образом, можно говорить, что внутренние убеждения министров, составлявших так называемую либеральную группировку, уже эволюционировали в сторону разделения понятий «царь» и «Россия», осознания своей ответственности перед обществом за свой участок работы. С такими воззрениями они становились неугодными и неприемлемыми в составе Правительства. Пророчески звучат слова А.Д. Самарина: «Царю нужна служба сознательных людей, а не рабское исполнение приказаний».

Следующее заседание 24 августа 1915 г. началось с обсуждения проблемы эвакуации Киева. Тон дискуссии задавали А.А. Поливанов и А.В. Кривошеин и вновь, с новой силой, можно сказать – с отчаянием, зазвучали проблемы взаимодействия военной и гражданской властей и созыва Военного совета. А.А. Поливанов подчеркивает: «Особенно важно выяснить организацию тыла, ибо нам тесно в России» [6, с. 239]. Выступавшие констатировали нарастание панических настроений и неразберихи. А.В. Кривошеин вновь возвращается к проблеме смены Верховного командования: «В эту минуту

ту, движимый религиозным чувством, государь император берет на себя верховное командование! Какой ужас!» [6, с. 240]. Еще одним острым вопросом стал вопрос о сроках роспуска Думы, который нужно было увязать с внесением смет, проектом создания Особого совещания по устройству беженцев и снова с вопросом о смене командования, который, по мнению министров, грозил возникновением беспорядков. Окончательной позиции о судьбе Думы выработать не удалось.

К вопросу о роспуске Думы Совет министров вернулся в ходе следующего заседания – 26 августа 1915 г. [6, с. 245-251]. Как и 21 августа, основной тон в обсуждении задавал С.Д. Сазонов, А.В. Кривошеин на заседании отсутствовал. С.Д. Сазонов увязал вопрос о перерыве в заседаниях Думы с обсуждением программы Прогрессивного блока, перспектив работы с Государственной думой и взаимодействия с нею. Ему оппонировал И.Л. Горемыкин, который считал и программу, и сам блок «недопустимым явлением», скрытой целью которого является «ограничение царской власти». В этой дискуссии И.Л. Горемыкин проявил себя как последовательный приверженец самодержавной власти, не склонный к диалогу с общественностью, готовый применить силу для подавления рабочего движения и не принимавший в расчет потенциальную его активизации в связи с разгоном Думы. В выступлениях В.Н. Шаховского и Н.Б. Щербатова говорилось о дезорганизующем влиянии Думы, остром противостоянии с Советом министров и в тоже время о необходимости поиска компромисса на основе программы Прогрессивного блока и роспуска Думы таким образом, чтобы не утратить расположения депутатов, склонных к сотрудничеству с правительством.

В ходе обсуждения программы блока министры акцентировали внимание на тех предложениях, которые уже так или иначе реализуются, приемлемы для правительства, или же приемлемы при определенной корректировке, как, например, вопрос об амнистии, печати, профсоюзах. Итог обсуждения и отношение представителей полярных сил в Совете министров проявились в диалоге И.Л. Горемыкина и С.Д. Сазонова. Для министра иностранных дел оказалось приемлемо 5/6 программы, а для главы правительства 5/6 было неприемлемо. Это стало наглядной иллюстрацией той степени разобщенности, которая существовала в кабинете. И.Л. Горемыкин принципиально настаивал, что «делать можно, но принимать программу и связывать Правительство нельзя». Такая позиция, отвергавшая даже демонстрацию видимости сотрудничества, готовности к компромиссу, в сложившихся условиях была контрпродуктивной, ибо усиливала позиции депутатов Государственной думы, в то время как правительство было отягощено комплексом проблем в управлении государством, испытывало дефицит идей, способных сплотить общество в условиях масштабного отступления армии. Министры высказывались даже против слова «соглашение», стремясь представить переговоры о создании Прогрессивного блока просто как частные консультации без каких-либо обязательств. Это, естественно, не могло способствовать диалогу между властью и обществом. Запись А.Н. Яхонтова об этом заседании завершается красноречивой фразой И.Л. Горемыкина: «По теперешним временам приятнее отправиться в окопы и там погибнуть» [6, с. 251].

28 августа заседание началось с обсуждения результатов встречи с представителями блока. Докладывал П.А. Харитонов, которому было поручено председательствовать на данной встрече. Пройдясь

по пунктам программы, он резюмировал свое впечатление от блока – «временная организация», а также корректное отношение думских деятелей к правительству, но без доверия. По вопросу о сроках роспуска Думы вновь проявились разногласия из-за последствий этого шага. В практическую плоскость обсуждения возможной отставки Правительства дискуссию перевел А.В. Кривошеин. «Что ни скажем, не поверят, ибо основа требований Думы и страны – вопрос не программы, а людей». Так был поставлен вопрос о смене правительства и включении в кабинет людей, пользующихся доверием общества. А.Д. Самарин: «Надо доложить императору – в Правительстве нет сплоченности и единения, когда оно особенно необходимо» [6, с. 255]. В конце совещания члены Совета министров в очередной раз обратились к проблеме действия военной цензуры, констатируя отсутствие единства в действиях гражданских и военных властей. В мемории Совета министров было отмечено, что правительство склонилось к скорейшему роспуску Думы, но при возможности скорейшего утверждения проекта об обеспечении нужд беженцев. При этом группа министров, в том числе А.А. Поливанов, П.А. Харитонов, А.В. Кривошеин, С.Д. Сазонов, А.Д. Самарин, П.Н. Игнатьев, В.Н. Шаховской, Н.Б. Щербатов и другие указали, что перерыв в заседаниях Государственной думы в данный момент должен сопровождаться шагами навстречу общественности, демонстрацией готовности к сотрудничеству с общественными силами. Кроме того, ввиду отсутствия единства в Совете министров назрела необходимость четкого определения дальнейшего курса правительства и изменения его состава за счет включения лиц, имеющих сходные взгляды на предстоящие задачи [5, л. 92-93].

2 сентября 1915 г. серьезную дискуссию вызвал вопрос об эвакуации Киева: распределение полномочий между местными властями и представителями высшей военной и гражданской администрации, объекты первоочередной эвакуации, места размещения вывозимых предприятий и учреждений. В процессе обсуждения были отмечены проблемы функционирования железных дорог, и без того перегруженных, и стихийных беженцев из западных губерний. Дополнительной остроты заседанию добавила информация В.Н. Шаховского о забастовках рабочих Путиловского и Металлического заводов, выдвигающих политические требования. С.Д. Сазонов подчеркнул напряженность обстановки: «Члены Думы плюс съезды земский и городской объявят себя учредительным собранием». Эта реплика демонстрирует, что в кабинете были люди, которые адекватно оценивали сложившуюся ситуацию и перспективы ее развития [6, с. 257-261]. В данном контексте вновь был поднят вопрос о процедуре роспуска Государственной думы, но И.Л. Горемыкин остался непреклонен. Он отказался сообщить Совету министров содержание своего доклада Николаю II, на основании которого тот повелел закрыть Думу не позже 3 сентября.

Дополнительную сумятицу в отношении министров внес вопрос о предстоящем открытии заседаний Земского и Городского союзов в Москве. В выступлении Н.Б. Щербатова были наглядно показаны все тактические просчеты, допущенные в отношении этих обществ, и прежде всего не определенные четко границы их полномочий и регламент деятельности. Теперь это представляло проблему с определением возможных мер воздействия со стороны правительства ввиду явной оппозиционности настроений союзов. В завершении заседания И.Л. Горемыкин демонстративно отказался ехать в Думу

и Государственный совет, провоцируя тем самым полный разрыв. Конфронтационная модель поведения Председателя правительства по отношению к Совету министров (безапелляционность суждений, вызывающие реплики) показала, что демарши министров, предпринимавшиеся летом 1915 г., и в особенности августовские, внесли глубокий раскол между членами правительства, между министрами и главой кабинета, и перспектив его дальнейшего существования в прежнем составе не было.

Заседания 5 и 8 сентября были посвящены вопросам текущей политики, в очередной раз подчеркнувшим, что несогласованность в действиях военной и гражданской властей, дезорганизация эвакуации, панические настроения ведут к серьезным потерям и экономическим убыткам. Показателен вердикт Н.Б. Щербатова: «надо уничтожить театр войны. Двоевластие в сердце России. Невыносимое положение губернаторов: ими помыкают военные, а они перед страной ответственны» [6, с. 266].

11 сентября 1915 г. главным вопросом стало снабжение Петрограда продовольствием. А.В. Кривошеин в своем сообщении обозначил круг проблем, требующих решения: назначение особого главного уполномоченного по Петрограду, отдавая предпочтение градоначальнику А.Н. Оболенскому; регулирование потока беженцев и эвакуируемых; упорядочение функционирования железных дорог с сосредоточением их под контролем Министерства путей сообщения (устранить двоевластие со Ставкой), налаживание оперативной разгрузки вагонов с продовольствием. В тоже время генерал-адъютант Н.И. Иванов требовал признать часть железных дорог в его ведении. Транспортная проблема стала еще одной плоскостью, где наглядно проявились противоречия гражданской и военной администрации. Нужно отметить, что члены Совета министров в полной мере осознавали сложность положения: рост численности населения за счет эвакуированных и беженцев, нехватка подвижного состава, неэффективное управление и хаос в железнодорожном сообщении, нарастающие перебои с продовольствием. А.В. Кривошеин пророчески заметил, что «не страшны революционные вспышки, а страшны голодные толпы» [6, с. 267].

13 сентября Н.Б. Щербатов начал выступление со слов: «Отношение военных властей к гражданским в районе театра военных действий приводит меня в ужас», «анархия в экономической и правовой жизни страны». В выступлении А.А. Поливанова уже просматриваются определенные противоречия между военным министерством и штабами, которые стремятся к расширению театра военных действий и чаще всего фигурирует в негативном смысле фамилия генерала Н.А. Данилова. Примечателен тот факт, что по ходу заседания министры периодически обращаются с вопросами и репликами к главе правительства, но в стенограмме зафиксирована лишь одна его фраза «Не обойдемся без насилий» [6, с. 271-273], сказанная по поводу необходимости усиления военной цензуры.

Заседания 18 и 22 сентября были краткими и касались частных вопросов текущей политики. 23 сентября в контексте обсуждения вопроса о военной цензуре прозвучала идея о расширении театра военных действий с включением туда Москвы, с тем чтобы ужесточить контроль над прессой. Предметом обсуждения вновь стала ситуация на транспорте, уже не только применительно к продовольственному снабжению, но и обстановке с подвозом топлива, где за сентябрь недогруз составил 40% [6, с. 278]. В качестве меры для стабилизации ситуации предла-

галось остановить или по крайней мере ограничить эвакуацию гражданских лиц. При обсуждении проблем министры чаще всего останавливались на констатации сложившейся ситуации, но редко предлагали конкретные шаги по ее исправлению; обладали лишь рекомендациями общего характера.

25 сентября на заседании проявились противоречия между позициями И.Л. Горемыкина и А.В. Кривошеина по поводу военной цензуры – проведении соответствующего проекта через Государственную думу в порядке ст. 87 – вылились в вопрос о компетенции Совета министров. Апелляция к объему полномочий правительства стала своего рода попыткой ограничить влияние И.Л. Горемыкина и заставить его прислушиваться к мнению министров. В итоге вопрос был в очередной раз отложен. В.Н. Шаховской и Н.Б. Щербатов акцентировали внимание на нарастании общественного недовольства. Упоминались брожения в Московской думе, активность выборщиков от рабочих в Военно-промышленный комитет, рост агитации среди рабочих и студентов. 29 сентября в заседании принимал участие новый министр внутренних дел А.Н. Хвостов, который попросил две недели для ознакомления с ситуацией вокруг Москвы и выработки решения об особом положении Москвы, а также фактического подчинения там гражданской власти – военной. Так постепенно представители высшей администрации смягчали позицию по поводу взаимодействия с военными властями, несмотря на огромные недостатки военного управления.

2 октября министр путей сообщения С.В. Рухлов вновь поднял вопрос об организации перевозки и пунктов размещения беженцев, проблему вторичной эвакуации беженцев, уже размещенных ранее. Единственной возможностью стабилизировать положение с продовольствием и топливом в Петрограде признали сокращение численности населения города за счет ограничения притока беженцев, количества лазаретов, семей запасных. 5 октября в очередной раз обсуждались вопросы изыскания рабочих рук для военных работ, функционирования железных дорог с точки зрения определения приоритетности грузопотоков. 11 октября А.Н. Хвостов доложил о затоваренности Москвы обывательскими и эвакуированными грузами и предложил ряд чрезвычайных мер для разрешения ситуации (привлечение воинских частей к разгрузке и реквизиции), отметил недостаточный объем складских помещений. 13 октября в центре внимания вопрос о беженцах и катастрофичном положении на железных дорогах в связи с отсутствием планомерности в перевозках беженцев. А.Н. Хвостов предложил шире привлекать к работе с беженцами союзы земств и городов, при этом оставляя право контроля за губернаторами. Эту идею поддержал А.В. Кривошеин, очевидно, усмотрев в ней возможность привлечения общественных сил к решению проблем общегосударственного характера. 16 октября Совет министров по докладу С.Д. Сазонова рассмотрел вопрос о поставках угля Румынии, увязав его с налаживанием сотрудничества двух стран. Но и в этом контексте вновь проявляются черты топливного и транспортного кризиса.

С 23 октября стенограммы заседаний становятся короткими, солирует преимущественно А.Н. Хвостов, обсуждений практически нет. 27 октября, 3, 6, 10, 17 ноября – короткие заседания, из традиционных вопросов затрагивались отдельные аспекты топливного кризиса и потенциального роста народного недовольства. 18 ноября А.Ф. Трепов доложил о состоянии перевозок топлива, проанализировал состояние отдельных железных дорог и наличие

подвижного состава. Главные пути решения проблемы – преодоление хаоса в перевозках и ускорение разгрузки товаров. Однако решения по поводу сосредоточения руководства в одном центре (гражданского или военного управления) выработано не было. В стенограмме данного совещания [6, с. 299] особенно бросается в глаза, что министры один за другим обозначают проблемы, связанные с перевозками, уже говоря о перспективе остановки предприятий, но все предлагаемые решения мыслились лишь в плоскости сокращения трафика и перераспределения мощностей и ресурсов топлива, а также возможного использования речного транспорта. Предложений, касающихся оптимизации управления, так и не прозвучало. Состояние транспортного дела красной нитью проходит через работу Совета Министров в 1915 г., но за год обсуждений никаких позитивных сдвигов, хотя бы частичного решения проблемы, не произошло.

24 ноября из уст И.Л. Горемыкина прозвучала фраза, что император «рассчитывает на дружное содействие всех членов Совета министров. Правительству действовать в совершенном согласии и единодушии» [6, с. 302]. Появление подобной риторики стало возможно после целого ряда отставок министров, принимавших участие в августовском демарше. Обсуждение текущих вопросов на этом и последующих заседаниях (27 ноября, 4 и 8 декабря) проходило в форме краткого обмена мнениями.

Заключительное в 1915 г. заседание Совета министров состоялось 22 декабря и было посвящено традиционному кругу вопросов. А.Ф. Трепов доложил о снятии остроты продовольственного кризиса в Петрограде, но в целом ситуация продолжала оставаться напряженной, так как организовать бесперебойный подвоз продовольствия из отдаленных районов не позволял транспортный кризис. На перспективу предусматривалось введение нормированного снабжения. Вновь министры заговорили о кризисе управления, А.Н. Хвостов заявил: «законодательная власть спутала все карты, равнозначными Особыми совещаниями. Некому приказать, нет хозяина... Надо не обращать особого внимания на Особые совещания, ибо путаница отражается на населении». Показательны заключительные слова А.Ф. Трепова: «Центр управления выскользает из рук министра внутренних дел и Совета министров. Пожар Петрограда разойдется на всю Россию» [6, с. 307-309].

Таким образом, в течение последних месяцев 1915 г. из повестки дня практически исчезают общеполитические вопросы, проблемы взаимоотношений с общественностью, с Государственной думой; исключением стали лишь проблема взаимодействия с военной администрацией и усиления цензуры. В остальном же можно констатировать сосредоточение на преимущественном обсуждении кризисных явлений в экономике.

Выводы

В середине 1915 г. в деятельности Совета министров преобладают политические вопросы, нарастают внутренние противоречия внутри кабинета между сторонниками сотрудничества с Государственной думой, создания Прогрессивного блока и «кабинета общественного доверия» и главой кабинета И.Л. Горемыкиным. Особенно острый характер противостояние приобретает в августе 1915 г., когда в центре внимания оказываются проблема принятия Николаем II Верховного командования и создание Прогрессивного блока. Внутренняя противоречивость подходов, сочетающая монархизм и стремление к компромиссу с обществом, стала причиной поражения сторонников сотрудничества с

парламентом. Начиная с середины октября общеполитические вопросы практически исчезают из повестки дня, и деятельность Совета министров сосредотачивается на текущих проблемах, приобретает «технический» характер. Однако это не привело к позитивной динамике в решении ключевых вопро-

сов российской действительности: транспортного, топливного, продовольственного кризисов.

Конфликт интересов

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. Л. : Наука, 1967. 363 с.
2. Кризис самодержавия в России 1895–1917 гг. Л. : Наука, 1984. 664 с.
3. Первая мировая война и конец Российской империи : в 3 т. СПб. : Лики России, 2014. Т. 1: Политическая история. 784 с.
4. Первая мировая война и конец Российской империи : в 3 т. СПб. : Лики России, 2014. Т. 3: Февральская революция. 432 с.
5. Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 7.
6. Совет министров Российской империи в годы первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова : (Записи заседаний и переписка). СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. 558 с.
7. Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. : (борьба вокруг «Ответственного министерства» и «Правительства доверия»). Л. : Наука, 1977. 270 с.
8. Сысоева Л. Н. Функционирование Совета министров в первой половине 1915 г. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2015. Т. 269, № 4. С. 61–64.
9. Флоринский М. Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. Л. : Изд-во ЛГУ, 1988. 207 с.
10. Черменский Е. Д. IV Государственная Дума и свержение царизма в России. М. : Мысль, 1976. 318 с.

References

1. Dyakin V.S. *Russkaya burzhuaziya i tsarizm v gody pervoi mirovoi voiny* [Russian bourgeoisie and Tsarism in the years of the First World War]. Leningrad, Nauka Publ., 1967. 363 p.
2. *Krizis samoderzhaviya v Rossii 1895–1917 gg.* [The crisis of autocracy in Russia 1895–1917]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 664 p.
3. *Pervaya mirovaya voina i konets Rossiiskoi imperii : v 3 t. T. 1: Politicheskaya istoriya* [The First World War and the end of the Russian Empire: in 3 vols. Vol. 1. Political History]. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2014. 784 p.
4. *Pervaya mirovaya voina i konets Rossiiskoi imperii : v 3 t. T. 3: Fevral'skaya revolyutsiya* [The First World War and the end of the Russian Empire: in 3 vols. T. 3. The February Revolution]. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2014. 432 p.
5. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 1276. Op. 10. D. 7.
6. *Sovet ministrov Rossiiskoi imperii v gody pervoi mirovoi voiny. Bumagi A.N. Yakhontova : (Zapisi zasedanii i perepiska)* [The Council of Ministers of the Russian Empire during the First World War. Papers of A. N. Yakhontov : (Records of meetings and correspondence)]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1999. 558 p.
7. Startsev V.I. *Russkaya burzhuaziya i samoderzhavie v 1905–1917 gg. : (bor'ba vokrug «Otvetsvennogo ministerstva» i «Pravitel'stva doveriya»)* [Russian Bourgeoisie and Autocracy in 1905–1917: (the struggle around the "Responsible Ministry" and the "Government of Trust")]. Leningrad, Nauka Publ., 1977. 270 p.
8. Sysoeva L.N. *Funktsionirovanie Soveta ministrov v pervoi polovine 1915 g.* [Functioning of the Council of Ministers in the first half of 1915]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, vol. 269, no. 4. pp. 61–64.
9. Florinskii M.F. *Krizis gosudarstvennogo upravleniya v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny* [The crisis of public administration in Russia during the First World War]. Leningrad, Izd-vo LGU, 1988. 207 p.
10. *Chermenskii E.D. IV Gosudarstvennaya Duma i sverzhenie tsarizma v Rossii* [IV State Duma and the Overthrow of Tsarism in Russia]. Moscow, Mysl' Publ., 1976. 318 p.

Поступила в редакцию 12.04.2021

Подписана в печать 25.05.2021

THE COUNCIL OF MINISTERS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF
OF 1915: FUNCTIONING AND CONTRADICTIONS

Ljudmila N. Sysoeva¹

Voronezh State Pedagogical University¹
Voronezh, Russia

---

¹*Cand. Histor. Sci., Docent of the Department of Russian History,
tel.: (473) 255-06-67, e-mail: sln-75@mail.ru*

Abstract. The article examines the activities of the Council of Ministers of the Russian Empire in the second half of 1915. The course of discussions on key aspects of political development, public administration, interaction between military and civil administrations, the search for ways to overcome the transport, fuel and food crises is traced; special attention is paid to the analysis of contradictions in the Council of Ministers. It is noted that the most acute phase of the confrontation falls on August 1915. It is concluded that after the defeat of the supporters of cooperation with the public, the cabinet focuses on solving current issues, but demonstrates an inability to develop solutions to overcome the crisis phenomena.

Key words: Council of Ministers, state management, First World War, autocracy, transport crisis, Progressive Bloc.

Cite as: Sysoeva L. N. The Council of Ministers of the Russian Empire in the second half of 1915: functioning and contradictions. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia Voronezh State Pedagogical University], 2021, no. 2, pp. 140–146. (in Russian). DOI 10.47438/2309-7078_2021_2_140.

Received 12.04.2021

Accepted 25.05.2021